

Переступая Грань

Янина

A photograph of a long, arched staircase leading up to a bright light at the end of a tunnel. The walls are dark and textured, and the light at the end creates a strong contrast with the dark surroundings.

16+

Янина

Переступая грань

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67029144

SelfPub; 2021

Аннотация

Насколько реален привычный нам мир? А может он – лишь отражение наших фантазий? Проиgnорировав предупреждение шамана, участники экспедиции вскрыли могильник. Теперь Родиона начинает преследовать невидимая сущность.

Янина

Переступая грань

День обещал быть ясным и неожиданно жарким для «бабьего лета». Наблюдая его рождение в окно, Родион Иванович мысленно набросал план необходимых дел.

Во-первых, прошвырнуться по магазинам, в холодильнике «шаром покати».

Во-вторых, описать привезенные образцы, составить полный каталог. Да, это работа не на один час.

Зато, и это – в третьих, вечером нагрянут друзья, соратники и единомышленники Петр с Виктором. Наконец-то они отметят удачное завершение экспедиции, обсудят свою невероятную находку, перевернувшую взгляд на историю Алтая.

Но сначала – ванна. После двух недель иступленных поисков, проведенных большей частью в подземных пещерах, он каждый раз начинал день с водных процедур и никак не мог ими пресытиться. Родион Иванович, так называли его студенты, в действительности еще достаточно молодой мужчина. Он оглядел себя в зеркало: подтянутый, крепкий, особенно радовали, хоть и едва заметные, кубики пресса на животе. От глаз разбегались мелкие морщинки, а в темно-русые волосы прокралась седина. Но это ерунда, решил Родион, это даже придает импозантности его облику.

Он натянул на голову наушники, опустил в воду по самый подбородок и блаженно прикрыл глаза. Легендарные рок-хиты в симфонической обработке – сочетание несовместимого, надрывный голос в обертке из классики. Он прибавил громкость, и скрипка вгрызлась в мозг до щекотки, заставляя парить где-то в невесомости.

Очень четко, наложившись на ритмы, печальный женский голос произнес в самое ухо: «Ну, здравствуй, моя половинка». От неожиданности Родион едва не ушел под воду. Расплескивая лужи, он хватался за края ванны, чтобы сесть. Наушники захлебнулись на дне, и в наступившей тишине лишь слышалось размеренное кап-кап-кап... Опять, он опять слышал ее! И это уже не случайный глюк, не насмешка фантазии.

Все началось на следующий день, после возвращения из экспедиции. Осторожные шаги в пустой квартире, едва уловимое движение воздуха у лица, неясный шепот в ночи. Несколько раз Родион вскакивал с постели, щелкал выключателями во всех комнатах. Понимая, как нелепо это выглядит, обходил квартиру, заглядывая даже в туалет и ванную, проверял балкон. А потом он ее услышал. На третий или четвертый день, вернувшись домой возбужденным после споров в Академии, он плеснул себе коньяку и растянулся в любимом кресле.

Захоронение, на которое их группа наткнулась совершенно случайно, раскалывало устоявшуюся теорию зарождения дохристианской Руси, развития государственности и миграцию славян. «Если двигаться по этому пути, – думал Родион, – то упруешься в многолетнее оплеванное и затравленное исследование профессора Порываева «Откуда есть, пошел древний русич?» «Нет, – решительно тряхнул головой Родион, – нельзя позволить замолчать и затесать их находку. Но сколько стен сарказма и откровенного игнорирования придется прошибать лбом. Смогут ли они, выдержат ли?»

Печальная песня вторила его настроению. Тоскливые напевы тянули душу так, что защипало в глазах. Что-то соседка изменила репертуар, обычно она поет что-нибудь залихватское, когда муж на работе. Родион попытался разобрать слова, но не смог, а песня между тем перешла в сдержанное рыдание.

Родион резко выпрямился в кресле, соседи уже несколько дней как уехали в Крым, а песня вперемешку с плачем звучала в ЕГО квартире.

И вот, молодой доктор наук, «отчаянный сталкер», как называют его студенты, сидит за кухонным столом, пытается согреться чашкой Алтайского чая, и рассказывает обо всем своему закадычному другу Петру. Как Петр воспринял его откровения, Родион не знал, но и пытаться игнорировать их он уже не мог.

– Мы не должны были вскрывать это захоронение. Шаман предупреждал, оно под защитой сил, не подвластных нам.

– Очнись, Родя,– встряхнул его Петр,– ты – ученный, ты – лучший специалист в своем институте. Под твои исследования выделяются гранды. О какой мистике ты говоришь?!

– Шаманство – это не мистика, это – научно доказанный факт.

– Правильно. Значит и твоему состоянию есть научное объяснение.

– Тогда объясни! Объясни, что со мной происходит.

– Не могу. Я не могу. А вот он может.

Петр, покопавшись, вытащил визитку и положил ее перед Родионом:

– Профессор Коржаков – психотерапевт, гипнолог, специалист в области нейрофизиологии

– Я до такого докатился, – криво усмехнулся Родион.

– Ну, не переживай так,– ободряюще подмигнул товарищ, – это еще не самое страшное.

Последующие дни были наполнены суетой и подготовкой к новой экспедиции. Академическое сообщество не выдержало натиска и согласилось, если не принять новую данность, то хотя бы тщательно исследовать ее.

Выяснилось, что профессор Коржаков действительно специалист высшего уровня. Двух бесед и легкого успокоитель-

ного оказалось достаточно, чтобы жизнь Родиона вошла в привычное русло. Его больше не беспокоили ни слуховые, ни зрительные галлюцинации. А глубокий сон позволял встречать утро бодро и достойно выдерживать скоростной дневной ритм.

Петр в ответ на это лишь самодовольно улыбнулся:

– Этого следовало ожидать. Ведь среди моих знакомых лишь хорошие и очень хорошие специалисты.

У Виктора на этот счет была другая точка зрения:

– Это твое подсознание пыталось достучаться нежным ласковым голосом: «Женись уже, наконец!»

А дальше начинался уже привычный спор между счастливым в браке Виктором и закоренелым холостяком Петром. Родион всегда держал нейтралитет в их шуточных перебранках. Они скорее успокаивали его, напоминая, что все идет своим ходом, как надо. Лишь, возникающее время от времени чувство «не настоящего», ощущения, что он проживает чужую, не свою жизнь, тревожило его. Но Родион научился подавлять эту сосущую тоску.

Дни, заполненные мелкими хлопотами и грандиозными планами, пролетали незаметно. Сроки поджимали, а сделать нужно было еще так много. На ночной отдых будущая команда оставляла себе не больше пяти часов. Родиона это устраивало. Вымотавшись, он проваливался в сны без сновидений, а на утро вновь бросался в водоворот дел и событий.

Той ночью он проснулся не внезапно. Осознание того, кто он и где находится приходило медленно и тягуче. Родион не открывал глаза, он отчаянно надеялся, что вот этот монотонный звук и шаркающие шаги сейчас исчезнут. «Пожалуйста, – мысленно шептал он, – пусть все закончится. Сейчас!» Шаги то приближались, то отдалялись. Он различал чье-то тяжелое ритмичное дыхание у изголовья. Не выдержав, Родион разомкнул веки. Он точно помнил, что ложась спать выключил везде свет. Но сейчас торшер и бра вырисовывались размытыми неяркими пятнами. Попытка пошевелиться и повернуть голову оказалась безуспешной, тело больше не слушалось его. Со зрением тоже происходило что-то странное, видимая обстановка плыла и искажалась.

У Родиона защемило в груди, когда над ним склонился человеческий силуэт с прозрачным голубоватым нимбом. «Кто вы?», – хотел спросить он, но в горле пересохло, губы не шевелились. Что-то блеснуло в руках у существа. Одним движением его перевернули на бок. Комната поплыла. Адская боль пронзила позвоночник, словно в него продевали раскаленный штырь. Родион никогда не думал, что может быть вот так больно. Но страшнее оказалось понимание, что ВОТ ЭТО настоящее. Что настоящий Родион Рогожин лежит в своей кровати беспомощным безвольным существом, а вся предшествующая жизнь лишь иллюзия, внушенное ему видение. Комната стала тонуть в сумраке, и Родион понял, что теряет реальность происходящего. «Где я?! Где я?!», – без-

молвно кричал он.

Родион вырвался из мутного сна и рывком сел на постели. Ночной кошмар не желал отпускать его. Сердце глухо билось о ребра, а по спине разливалась жгучая боль. Он провел рукой по кровати, так и есть, выскочила пружина. «Черт. Чтоб тебя...», – выругался Родион. Кряхтя, он добрался до ванной и постарался рассмотреть свою спину в зеркало. Ни ссадин, ни ушибов, никаких следов хирургического вмешательства. «Что естественно, – разозлился на себя Родион, – это же был всего лишь сон». Он повернулся к зеркалу лицом. На него смотрело внезапно исхудавшее лицо и чужие, полные отчаянья и какого-то лихорадочного блеска глаза.

Нужная пятиэтажка ничем приметным не выделялась из ряда таких же панелек. Двор затеняла еще зеленая листва, в песочнице, громко споря, возились дети. Родион сверил адрес с записанным на листочке бумаге и под осуждающие взгляды судачащих на скамейке бабулек вошел в подъезд. Ну что ж, и подъезд вполне заурядный, с надписями на стенах и геранью на подоконниках. «А чего ты ожидал, – сам над собой поиздевался Родион, – что тебя встретит указатель «К ведьме – сюда».

Потомственная ведьма или гадалка, или как там она себя называла, рекламируя в Интернете, жила на четвертом этаже за вполне современной металлической дверью с телескопическим «глазком», несколькими замками и персональным

домофоном. Родион постоял немного на площадке, зачем-то поднялся на пятый этаж.

В окно било яркое, но уже не жаркое солнце, вырисовывая причудливые тени от герани на ступеньках. С улицы несся привычный городскому уху шум. А своеобразный подъездный запах навевал мысли о детстве и безмятежном времени. «Какого черта я здесь делаю? – встряхнул головой Родион. Он развернулся с решительным намерением отбросить эту ересь и уйти, но дверь на четвертом этаже открылась. Женщина неопределенного возраста, на вид ей можно было дать и сорок и шестьдесят лет, в лоскутном платье, стилизованном под одеяние шаманов, щурясь поглядывала на него.

– Заходи, – кивнула она, при этом длинные серьги издали мелодичный звон, – все равно ведь придешь, не сегодня, так завтра.

Родион представил, что сейчас он вернется в свою «двушку», ставшую жуткой для него даже при свете дня. А потом наступит ночь. Он непроизвольно вздрогнул и шагнул вслед за женщиной.

Внутри квартира выглядела вполне предсказуемо. Прочие двери, выходящие в длинный коридор, были закрыты, а из полумрака коридора посетитель попадал в полумрак единственной доступной ему комнаты. Плотные бордовые шторы надежно защищали от дневного света, создавая ощущение изоляции от окружающего мира. Посередине, в очерченном на полу круге, возвышался массивный стол с кривыми рез-

ными ножками. В одном его конце помещалось такое же старинное громоздкое кресло, вероятно купленное на распродаже антиквариата. В другом – приютился «посетительский» стульчик, на который и указала ему ведьма.

Родион присел, продолжая скептические оглядывать комнату. Стены украшали разнообразные маски и посмертные слепки. На полках в хаотичном порядке, понятном только владелице, расставлены статуэтки божеств совершенно различных культур, эпох и религий. Из углов, сверкая глазами, на него безучастно взирали чучела животных. А над изголовьем хозяйского кресла раскинула крылья выпотрошенная таксидермистом сова. Расставленные на столе темно-красные свечи в подсвечниках в виде искусственных черепов наполняли комнату приторно-сладким ароматом. «Неужели вся эта безвкусная помесь кого-то впечатляет?», – удивился про себя Родион. Хозяйка опустилась в кресло, внимательно наблюдая за ним.

– Ах, на это не обращай внимания. Это все, – она махнула руками по сторонам, – безделушки, купленные на барахолке. Жилище современной ведьмы представляется в таком стиле, приходится соответствовать.

– И вы так спокойно рассказываете об этом первому попавшемуся посетителю? – еще больше удивился Родион.

– А ты не «первый попавшийся», ты – особенный. Я может только ради тебя и обитаю здесь, – произнесла женщина задумчиво разглядывая его.

Родион растерялся, не понимая, как реагировать на такое откровение. Гадалка тем временем достала из шкатулки маленький мешочек и высыпала на стол пожелтевшие от времени руны.

– Это, – кивнул на них Родион, – тоже куплено на барахолке?

– Нет. Они настоящие, вырезанные из кости черной собаки.

– О, и само собой освященные на новую луну в черную пятницу.

Женщина усмехнулась и, поглаживая руны, вдруг спросила:

– Скажи, что нашептывает голос, который преследует тебя?

Родион напрягся, разве он проговорился?

– В экспедицию собираешься, – продолжала меж тем гадалка, все быстрее перебирая пальцами.

– Думаешь, найдешь там ответы? Не найдешь. Нет там ничего! Там нет. Все здесь, с тобой.

Она вдруг внезапно «переломилась». Так одним движением Витька ломал спичечные головки. Глаза колдуньи закатились, уставившись на него невидящим взглядом белков. Она резко бросилась вперед, ухватила его за руки, прижала к столу и скороговоркой, задыхаясь, зачастила:

– Пятьдесят три километра на юго-восток... строго на юго-восток, слышишь?... Там гора... заговоренная... пять-

десять три километра, запомни... Там ты все поймешь...

Родион вырвался. Опрокинув стул, попятился к двери.

– Только там... на горе... то, что ты ищешь... больше нигде не будет покоя, – повторяла гадалка, тыча в него пальцем.

Родион выскочил на улицу, ворвавшись в шум будничного города и в привычную картинку. Он смутно помнил, как добрался домой, как смывал с себя ледяными струями увиденный кошмар. День перевалил на вторую половину. Родион пил свежесваренный, обжигающе горячий чай, на алтайских травах. Женщина определенно безумна, но безумие это видимо заразительно. Потому что, хотя он не знал в радиусе нескольких сот километров ни одной горы, даже приличного холма, который можно было бы использовать зимой для слалом, но собирался отправиться в указанном направлении. Сегодня. Сейчас.

Женщина шла по коридору твердым, но медленным шагом. Куда спешить? Свою главную битву они уже проиграли. И хотя врачи предупреждали, что шансов практически нет, ее мужу остается жить считанные месяцы, надежда оставалась. Надежда и вера в чудо. Вместе, как все тридцать семь лет, рука об руку, они прошли и тяжелейшее лечение химиопрепаратами, и его последствия, и лучевую терапию. Столько раз вместе с супругом она возрождалась в отчаянной надежде и каждый раз «умирала» после очередного обследования. Увы, чуда не случилось, несколько дней назад муж впал

в кому. Рак пожирал его изнутри, и ничто уже не могло спасти крохотного, в масштабах Вселенной, человечка. Ничто не могло вернуть их маленького, по вселенским масштабам, но огромного личного счастья.

Она вошла в палату. При взгляде на усохшее, опутанное трубками, укрытое тонким больничным одеялом тело, глаза застлали слезы. За него дышал аппарат, стоящий у изголовья, тяжело и ритмично прокачивал воздух через легкие. Молоденькая медсестра в полупрозрачном голубом чепце кивнула ей, пряча сочувствующий взгляд. Анна Николаевна прошла к кровати и присела рядом на стул. Она погладила исхудавшее, словно высосанное болезнью милое лицо и прижалась губами ко лбу.

– Ну здравствуй, моя половинка, – прошептала она.

Тридцать семь лет совместной жизни пронеслись перед ее взором, как одно мгновение. Рядом со студенческой скамьи. Им не были в тягость ни еженедельные поездки на дачу, ни бытовые хлопоты, ни длинные зимние вечера, которые коротали за настольными играми или обсуждением книг и передач. Никогда не была помехой работа в одном коллективе, Анна Николаевна преподавала географию, а Родион Иванович был заслуженным учителем математики со множеством наград.

– Но я всегда знала, что твоя настоящая страсть – история и разгадывание тайн древности. Правда был ты у меня искателем диванным и путешествовал всегда в своих фанта-

зиях, – засмеялась она.

– Ты мечтал о приключениях и боялся их, особенно после того, как погиб твой друг – Петя Валько. Я видела, ты очень переживал из-за этого, считал, что если бы поехал с ним, все могло бы сложиться иначе.

С каким-то болезненным смирением Анна Николаевна поняла, что разговаривает с мужем в прошедшем времени, она отпускала его.

– Ты ни в чем не виноват. Ни в потере друга, ни в том, что оставляешь меня одну.

Одна. Слово больно полоснуло по сердцу. Больше незачем спешить домой, никто не приготовить в выходной день завтрак. Никто не спросит «Как прошел твой день?», не заглянет в глаза, не погладит по голове. Одна, это значит, никому не интересно, что происходит с тобой.

– Ох, Родя, Родя, так не честно, – простонала она, склонив голову к мужу. И горячие слезы заструились по щекам, утопая в подушке.

Вот уже больше часа Родион поднимался в гору, вдыхая запах осеннего перелеска. Вечерние тени, залегшие у подножья, с каждым шагом все больше расступались перед ним. Он уже не задавался вопросами: откуда посреди Восточно-Европейской равнины взялась одинокая возвышенность, почему солнце уже который час висит в одной точке, почему такой крутой подъем даже не сбивает дыхания. Напротив,

идти становилось все легче и, перейдя в конце концов на бег, Родион достиг остроконечной вершины.

Невероятно голубое и такое близкое небо расстиралось бесконечностью. Солнце ярким огненно-желтым шаром пылало у горизонта, отражаясь в каждом дереве, в каждом листочке. Воздух подрагивал, смешивая уютные теплые цвета ранней осени. Из-под ног убегала тропинка, пряталась в кустарнике и вновь выныривала где-то далеко внизу. Родион вспомнил, как когда-то в детстве вот по таким же колдобинам он на спор мчался с горы на велосипеде. Было страшно, но спор он выиграл, а потом стойко молчал, когда мама смазывала разбитые коленки и стертый подбородок зеленкой.

Он не удивился, обнаружив, что руки его легко сжимают руль велосипеда. Он уже понял, что это странный, не привычный ему мир и этот мир не пугал, не отталкивал. Даже мучительна тоска, грызущая его последнее время, изменилась, посветлела, уплотнилась, оформилась в тоненькую девушку в летнем васильковом платье. Он узнал ее. Ее тихий нежный голос, мелодичный смех, развивающиеся каштановые волосы до плеч. Зеленые с лучинками глаза: сияющие, с морщинками, лукавые, уставшие, с дрожащей слезинкой, он любил их разными. Любил всегда.

– Не печалься, моя половинка,– прошелестела она, – встретимся на той стороне.

Родион оглянулся на тропинку, на расстилающийся у подножья лес, сияющую полосу реки... и надавил на педаль.

Велосипед заскользил с горы плавно, не замечая камней и ухабов, словно летя по воздуху. Раскинув руки, Родион несся навстречу ветру, неизвестности, навстречу освобождению...

Сигнал монитора превратился в сплошную линию и пронзительное «пи-и-и-и». Женщина прикрыла опухшие, но уже сухие глаза и в последний раз прижалась губами ко лбу любимого мужа:

– Прощай, моя половинка. Встретимся на той стороне.